

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ХРИСТИАНСКОГО И ЯЗЫЧЕСКОГО В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ МАСЛЕНИЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Д. Е. Крапчунов

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Анализ масленичной обрядности, выявление мифологемы праздника через фольклорные тексты и его календарная привязка к Пасхе не подтверждают распространённое представление о Масленице как об исключительно языческом наследии. Несмотря на то, что в традициях Масленицы прослеживается общеиндоевропейское прошлое, есть все основания видеть в этом празднике глубокие христианские смыслы, раскрываемые через различные вербальные, визуальные и драматургические образы. В условиях повторной христианизации (воцерковления) России и поиска коренных оснований для развития современных социокультурных практик анализ смыслового наполнения Масленицы и других традиционных праздников может дать эффективные инструменты для конструирования идентичности.

Ключевые слова: Масленица, христианские символы, двоеверие, традиционная культура, обряд, Пасха, масленичные гуляния.

THE PROBLEM OF CHRISTIAN AND PAGAN CORRELATIONS IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE FOR EXAMPLE OF SHROVETIDE RITUALS

Daniil Krapchunov

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia

The analysis of Maslenitsa (Shrovetide) rites and festivities, the identification of the celebration mythologema through folklore, and its time connection with Easter do not support the common belief that Maslenitsa is an absolutely pagan heritage. Despite the fact that Maslenitsa traditions trace back to the all-European past, there are obvious reasons to reveal deep Christian symbols in this celebration that are seen through different verbal, visual and dramatic patterns. In the conditions of the recurring Christianization (churching) of Russia and the search for fundamental basis for the development of modern social and cultural practices the conceptual analysis of Maslenitsa and other traditional celebrations can give effective tools for identity construction.

Keywords: Shrovetide, Maslenitsa, Christian symbols, dual faith, traditional culture, rite, Easter, Maslenitsa festivities.

Сегодня повсеместно можно услышать, что русская культура – это продукт синкретического синтеза христианского и языческого, религиозную канву которого правильно назвать «двоеверием». Причём такое заявление стало общим местом как для обывателя, так и для профессионального этнографа. Первым и главным доказательством такого тезиса служит указание на Масленицу как на ключевой праздник русского календаря, ключевой для понимания самобытности русской культуры и славянского язычества в частности. Как для православного календаря Пасха является «Праздников праздником» и «торжеством из торжеств», так и восприятие Масленицы в обыденном сознании и работах многих исследователей является ключом в восприятии русской культуры как двоеверной, синкретичной или вовсе языческой. Данное положение вещей является господствующей точкой зрения в исследовательской литературе на протяжении всего XX века, а корнями уходит ещё в работы века XIX.

Однако хотелось бы рассмотреть основания для такого утверждения. Чем больше погружаешься в конкретное содержание масленичных гуляний, тем больше понимаешь несправедливость подобных утверждений.

Перспективным представляется обращение к живой этнографической традиции в описании масленичной обрядности. Такой подход склоняет к христианскому восприятию праздника через содержание богослужебных текстов и привлечение библейского контекста как основания целостного мировоззрения жителей русской деревни и вписывания в него элементов традиционной Масленицы и современных практик, оцениваемых как представителями духовенства, так и профессиональными работниками сферы культуры исключительно через идею двоеверия. Богатый этнографический материал, зафиксированный в прошлом столетии, а также исследования XIX века дают фактологический материал для реконструкции масленичной мифологии в христианском ключе. С другой стороны, сегодня есть сообщества, стремящиеся прочесть или хотя бы интерпретировать элементы Масленицы с позиций «дохристианского славянского язычества» или даже «ведизма». Эта дискуссия носит явно антагонистический характер и является свидетельством стремления самоопределиться

и сконструировать собственную идентичность в контексте коллективной идентичности.

Безусловно, рубеж зимы и лета, более того, день весеннего равноденствия мог и, скорее всего, был каким-то образом отмечен у наших предков, славян в дохристианский период развития их культуры. И главный тезис в пользу языческого происхождения Масленицы почему-то сводится именно к его рубежной зимне-весенней дате празднования. Однако хочется обратить внимание на то, что празднование Масленицы всё же приходится именно на зимний период и порой отстоит от дня весеннего равноденствия весьма значительно. По старому стилю (юлианский календарь) Масленица празднуется исключительно зимой и зачастую даже в январе. О каких «проводах зимы» может идти речь в таком случае? Однако, по порядку. Сама замена названия «Масленица» на «проводы русской зимы» происходит уже в советское время и происходит целенаправленно. На страницах журнала «Антирелигиозник» в 20–30-е годы XX века обсуждались технологии замены традиционных форм обрядности русской культуры новыми советскими, и почему-то сто лет назад Масленичное гуляние вызывало у «воинствующих безбожников» не меньшее раздражение, чем обрядовая и смысловая сторона православного венчания или отпевания.

В свою очередь, масленичные тексты, тексты песен, приуроченных к Масленице, не содержат упоминания зимы или весны. Напротив, есть все основания относить Масленицу именно к зимнему циклу праздников. Масленичные страдания увязывают Масленицу со Святками, так как она приходит им на смену, например: «Прошли Святки даль расстаться, пришла Масленка кататься». Так же и в обрядовой части Святки связываются с Масленицей: на Васильев вечер в некоторых местах хозяин дома готовил свиное кольцо (вырезка с шеи свиньи из сала), называемое по местам Таусень. На эту вырезку он приглашал тещу и угощал – в знак уважения к роду жены. А затем уже в Масленицу она ответом приглашала зятя на блины. Таким образом, говорить о прощании с зимой, её проводами в связи с Масленицей нет оснований.

Анализ масленичной обрядности и содержания текстов масленичного фольклора совершенно не позволяет говорить о связи масленичной обрядности с солнечным равноденствием. Более вероятной представляется связь именно пасхальной обрядности с весенним равноденствием. Понятно, что Пасха отстоит от равноденствия немного, но всё же дальше, чем Масленица, однако пасхальная обрядовая кулинария связывает современных русских с современными

ми иранцами как наследниками древних персов. Общий генезис с персидскими этносами у славян имел место в весьма отдалённом прошлом, поэтому наличие сходства свидетельствует о древности сохранившихся традиций. В современном Иране, особенно в северной его части, группы, идентифицирующие своё происхождение с персидской этничностью, в день весеннего равноденствия красят яйца в разные цвета и укладывают их на траву или, точнее, на пропущенные зёрна злаковых, точно так же как мы можем это наблюдать на открытках и рисунках из России XIX века или в практике современных верующих.

Далее, следует обратить внимание на название праздника. Масленица – название, очевидно, христианское и связано с пищевым ограничением последней недели перед Великим постом. Связь Масленицы с четырёхдесятницей прослеживается уже в самой дате празднования, чётко привязанной к Пасхе – главному христианскому празднику. Если допустить, что в дохристианском празднике, предшествующем Масленице, ключевым содержанием была смысловая и символическая связь с равноденствием, то почему именно этот момент утрачивается с принятием христианства? В масленичных песнях, в огромном числе сохранившихся в живом фольклорном бытовании до середины 20 века, солнце не упоминается, в отличие, скажем, от святочных колядок.

Кроме того, устоявшееся мнение, согласно которому христианская церковь приспособила, приурочила свои праздники к славянским языческим, весьма спорно и неубедительно, так как при его достоверности даты праздников в различных поместных церквях различались бы. Однако такого различия мы не видим между, скажем, Грузинской, Румынской, Албанской и Русской православными церквями, а допустить, что при включения языческого праздника славян в богослужебный праздничный цикл Русской церкви свои церковные календари поменяли все поместные церкви, вряд ли возможно.

Весьма распространённые названия дней празднования Масленицы генетически связаны с церковной традицией, но всё же не тождественны богослужебной практике: «неделя сырная», «сырная седмица», «неделя сыропустная». В богослужебной практике эти дни называются «неделей о Страшном суде», «Воспоминание изгнания Адама из Рая». А широко распространённые названия, в которых указывается на сыр как одно из блюд масленичной недели, свидетельствуют именно о христианском происхождении кулинарных особенностей Масленицы. Дело в том, что, по мнению

некоторых исследователей, сыр славяне узнали после христианизации, после контактов с греками.

Интерес представляет и упоминание сыра наравне с другими кушаньями в масленичных песнях. Но при этом в огромном числе фольклорных текстов не присутствует ещё один элемент, ставший сегодня символом Масленицы. Это – блины. Масленицу встречают с сыром, с хлебом, с мёдом, с маслом. В масленичных песнях маслом поливают и устилают горы, едят курьи яйца. При этом масленичные песни, чётко приуроченные к Масленице, в которых упоминаются блины, найти очень сложно. Кроме того, сами по себе блины в этнографических записях не являются исключительно масленичным гастрономическим элементом. Да, информаторы говорят, что на Масленицу пекли блины, но точно так же, как и на другие праздники, например, на Васильев вечер в сибирской старожильческой традиции. Блины также были повседневным блюдом, их зачастую пекли в будни. Каких-то особых рецептов именно масленичных блинов также не существует.

Сам по себе тезис о связи Масленицы с весенним равноденствием, а тем более с культом солнца, спорен, как и восприятие блина в качестве неотъемлемого, более того, главного атрибута масленичного стола. Однако сегодня повсеместно и многократно транслируется представление о том, что блин – это символ солнца у славян, и именно поэтому он главный элемент Масленицы, приуроченной к весеннему равноденствию. А. Куприн, возможно, не без влияния мифологической школы с её культом природы, сравнивает блин с солнцем, но всё же аллегорически, используя художественный приём: «Тысячелетний блин, внук Дажбога. Блин кругл, как настоящее щедрое солнце. Блин красен и горяч, как горячее всеогревающее солнце, блин полит растопленным маслом, – это воспоминание о жертвах, приносимых могущественным каменным идолам. Блин – символ солнца, красных дней, хороших урожаев, ладных браков и здоровых детей» [Куприн 2007]. Б. А. Рыбаков уже совершенно серьёзно определяет принадлежность блина к солнечному культу и окончательно усваивает блины Масленице и солнцу: «Масленичное обрядовое печенье – блины – удержалось в русском быту до наших дней. Давно уже высказано мнение, что блины являются символом солнца и их изготовление и коллективное поедание отмечало победу дня над ночью, света над тьмой. В русских деревнях IX–X вв. известны круглые глиняные сковородки с зубчатыми краями и с прочерченным ещё по сырой глине крестом, знаком солнца. Вероятно, они делались для выпечки мас-

леничных блинов. Вся небольшая сковорода (диаметр 20 см) с её лучистыми краями являлась как бы моделью солнца» [Рыбаков 1987]. Однако обоснованность мнения, на которое ссылается академик, не подвергается сколь бы то ни было тщательному рассмотрению. Кстати, так же не произведён анализ достоверности символической связи креста и солнца у наших предков.

Таким образом, утверждение, будто бы Масленица является исключительным примером и доказательством двоеверия Руси, русского народа и синкретизма русской культуры, является весьма бездоказательным. Привязка Масленицы к весеннему равноденствию и усвоение её, а вместе с ней блинов, солнечному культу необоснованно. Сами блины не являются исключительно масленичным атрибутом, как и не связаны с культом солнца. Празднование Масленицы зависит от главного христианского праздника – Пасхи, и приспособление, подстраивание церковной Пасхалии специально к славянскому календарю невероятно. Название «Масленица» и иные широко распространённые в народной среде наименования масленичных дней отсылают скорее к христианскому содержанию масленичной обрядности, если не вовсе к исключительно христианскому происхождению.

При этом встаёт вопрос: если допустить, что до христианизации восточных славян на период близкий времени празднования Масленицы всё же выпадал какой-то праздник, то могло ли его наличие отразиться в более поздней традиции? Безусловно, такой праздник мог быть и, скорее всего, был. Вероятно, на период весеннего равноденствия приходился славянский Новый год, по времени празднования созвучный римским дням Марса и Новому году иранских наследников персов. Кроме того, мы знаем, что изначально на Руси был мартовский год, не позднее 1492 года сменившийся на год сентябрьский греко-византийской традиции. С лёгкостью можно было бы предположить, что Масленица отражает дохристианский новогодний культ с его человеческим жертвоприношением. Так, разыгрываемая на Масленицу народная драма «Лодка» и появление масленичного поезда «на лодке», в которой въезжала Масленица (её антропоморфное воплощение или чучело), – это отголосок тех самых обрядов похоронного жертвоприношения русов, что описаны Ибн Фадланом. В масленичном чучеле можно было бы увидеть замещение человеческого жертвоприношения через сожжение, о существовании которого упоминается за несколько лет до Крещения Руси. Однако для таких предположений и утверждений у нас нет никаких оснований.

Обращает на себя внимание, что соседние с русскими народы вместе с Православием принимали и часть народных обычаев. В частности, Масленица была заимствована финноязычным народом сето вместе с принятием христианства. Из этого следует, что в период христианизации сето Масленица воспринималась как составная часть христианской жизни русских.

Как название Масленицы, так и время её празднования указывают на неразрывную связь с Пасхой и всем циклом праздников, входящих в Постную Триодь. Действительно, анализ масленичных песен показывает, что семь дней Масленицы как бы являются зеркалом семи недель Великого поста и даже следующих семи недель Триоди Цветной: «протянися ты хоть до Духа», «нас Масленица подманила, на Великий пост посадила», «А масляна, масляна, воротися, до самого Великого дня протянися!» – и так далее во множестве вариантов по всем регионам России. Следовательно, всё же есть основания рассмотреть Масленицу в связи с богослужebным циклом Триоди. Конечно, вряд ли следует искать непосредственно церковные основания Масленицы, но анализ масленичных действий, обрядов как преломления народным сознанием традиции Церкви вполне возможно.

Дело в том, что сегодня в распоряжении исследователей есть целый ряд положений, согласно которым средневековый зритель воспринимал теоретические положения через призму визуализации и символического отображения. Так, Г. М. Прохоров прекрасно показал, что существовала неразрывная связь между восприятием текстов и прочтением образов иконописного искусства. Исторический контекст визуализация мифологемы Масленицы объясним исходя из знания специфики восприятия слова и образа жителями средневековой Руси, обозначенной Г. М. Прохоровым [Прохоров 1987, 20, 24]. С другой стороны, в исследовании русской народной веры по духовным стихам Г. П. Федотова отчетливо видна каноничность народной веры [Федотов 1991]. В то же время, А. В. Часовникова на примере анализа народной обрядности, связанной с растительным миром, показывает возможность прочитывания того, что обычно усваивают языческому, исключительно в контексте христианского мировоззрения [Часовникова 2013].

Что касается христианских образов в масленичной обрядности, то прекрасный пример включения Масленицы в контекст Триоди постной дал Д. Кулигин. Действительно, есть все основания рассматривать Масленичную неделю в контексте последней седмицы перед Великим постом: «Великий пост – это жизнь человечества

на земле после грехопадения. Соответственно, до того жизнь протекала в раю» [Кулигин 2004]. Таким образом, Масленицу необходимо проанализировать в контексте райской жизни, границей которой является «Изгнание Адама из Рая» (такое название имеет и последний день масленичной недели). В масленичных песнях, в которых обозначаются семь деньков Масленицы, всегда идёт указание на то, что им на смену приходят семь недель поста. Также интересно то, что грехопадение совершается в результате обмана. И в масленичных песнях нередко можно услышать, что «Масленица подманила, на великий пост посадила».

Что мы знаем о райской жизни? Во-первых, вспоминается нагота его обитателей. Так и в масленичной обрядности, скажем, в драме «Масленица и Воевода», происходит обнажение главных героев. В свою очередь, пожилые информаторы рассказывают, что в масленичном поезде мужчины часто были обнажёнными. Кроме того, обязательным атрибутом Масленицы является масленичный столб. Однако, чтобы на него взобраться, необходимо обнажиться, так как он ледяной и при наличии одежды человек всегда соскальзывает вниз, каким бы ловким он ни был. Так, сама специфика масленичного столба обязывает обнажиться, что и происходит повсеместно вплоть до сего дня на Масленицу.

Однако что же обозначает сам масленичный столб? Совершенно необоснованными и притянутыми выглядят попытки неоязычников увидеть индуистские корни славян или фаллический культ в масленичной обрядности, связанной со столбом¹. С другой стороны, в экспедициях информаторы указывают на то, что Масленицу гуляли на горе, пригорке, холме. Там же устанавливали столб. Интересно и то, что приз, который подвешивался на вершине столба, назвался «петух». Так и говорили: «На Масленицу лазили за петухом». Даже в не столь далёком советском прошлом, по рассказам старших современников, на масленичных гуляниях на столб водружали сетку с живым петухом. Петухом называли любой приз, который висел на вершине масленичного столба; отсюда выражение «снять петуха».

Значение петуха в христианской символике, сохранившееся в русской традиционной культуре, позволяет по-иному взглянуть на рассматриваемый вопрос. Именно, петух был символом воскресения со времён раннего христианства [БЭ 1990, 417; Уваров 2001, 197, 201]. Но это свидетельства о древнехристианской истории, которая значительно отстоит от рассматриваемого периода, и, несмотря на ут-

¹ См., напр.: <http://hel1ch.blogspot.ru/2013/03/le-mythe-de-leternel-retour.html>.

верждения графа Уварова о преемственности в прочтении символов, всё же с сомнением может быть отнесена к концу второго тысячелетия. Вместе с тем, на запрестольных распятиях вплоть до совсем недавних пор изображался холм (гора) со столбом и петухом на вершине столба. Такие распятия можно наблюдать в храме Жен Мироносиц в Пскове, в храме Успения при родовой усыпальнице Муравьёвых в Погосте Батецкого района Новгородской области и других. Сегодня на этом месте, на оборотной стороне запрестольного креста, изображается Воскресение Христово в западном, католическом изводе этого образа. Кроме того, столб с петухом на вершине изображается на богослужебных антиминых с левой стороны, напротив орудий казни Христовой. Эти факты позволяют всё же допустить преемственную связь русской церковной и народной культуры с библейскими метафорами. Таким образом, интерпретируя образ масленичного столба, можем предположить, что смельчаки, сбросив с себя одежду, то есть «обнажившись ветхости», стремятся достигнуть Воскресения, прообразуя будущую пасхальную радость.

Другим не менее значимым элементом масленичных гуляний является величание молодожёнов. Вокруг них построена вся масленичная обрядность. Это также отсылает зрителя к первой семье, пребывавшей в Раю, а также к заповеди, данной людям тогда же: «Плодитесь и размножайтесь». Величание молодожёнов и обратная сторона – корение, ругание неженатых и незамужних – в контексте надвигающегося Великого поста понятно. Корили именно тех, кто достиг брачного возраста, но не исполнил заповедь: «Остались наши девки до лета».

Значимым атрибутом масленицы является ряжение, присутствие медведя, козы и других животных, что напоминает о райском состоянии, когда человек давал имена животным и пребывал вместе с ними.

Однако самым большим соблазном увидеть в масленичной атрибутике именно языческие корни является чучело, которое более всего другого смущает совесть православных христиан, мало знакомых с народной культурой, целенаправленно уничтожавшейся в советский период нашей истории. Обращает на себя внимание то, что чучело не было повсеместным атрибутом Масленицы. Далеко не везде оно присутствовало, и не во всех местах, где оно было, его сжигали. Действительно, где оно было, там подчёркивалась его несуразность, пренебрежение им. Оно символизировало ветхость, как и сам материал, из которого его изготавливали, – сено, солома, камыш.

Но повсеместно, независимо от наличия или отсутствия чучела, в финале масленичных гуляний, перед началом чина прощения, перед действием Прощёного Воскресенья жгли масленичный костёр. Масленичный костёр – это сжигание мусора, ветхости. Бесчисленное множество экспедиционных записей говорит о том, что Масленицей называли кучу мусора, собранную детьми и подростками по всей деревне. Дети бегали по селению с призывом «подать на Масленицу». И в финале гуляний поджигали эту кучу на высоком холме, где до этого проходило катание с горы. Таким образом, масленичное чучело или более распространённый вариант Масленицы, куча мусора – это символ ветхости и страстности того, от чего необходимо отказаться с наступлением Великого поста. В пользу именно такого восприятия этого элемента традиции говорит и свидетельство внешних. Уже упомянутые сето считали, что в этом огне сжигали грехи: «В некоторых деревнях сето жгли масленичные костры, но большинство уверяют, что у них это не было принято: “Мама говорила: жечь костёр у сету считается грехом, а русские жгут костры – они, наоборот, свои грехи сжигают”»².

При тщательном рассмотрении масленичной обрядности, вслед за Г. П. Федотовым или М. М. Громыко [Федотов 1991; Громыко, Буганов 2007], можно признать, что существуют все основания наблюдать глубокие христианские истоки в праздничной культуре русского народа. Сегодня с особой актуальностью встаёт проблема поиска христианских начал русской традиционной культуры. Велик соблазн огульно вслед за советской пропагандой назвать всё народное на Руси языческим или двоеверным. Этим активно сегодня пользуются неоязычники, так как утрата исторической и национальной идентичности остро сказывается на мировоззренческих поисках наших соотечественников и поэтому вместе с глубочайшим невежеством в области истории культуры поиск традиции приводит многих жителей современной России, а в особенности молодое поколение, в организации неоязыческого направления.

Кроме того, для самих христиан очень важна смысловая наполненность внебогослужебных практик повседневности и праздников. Пастыри зачастую повторяют стереотипы светских исследователей и расхожее мнение о языческих основаниях всей народной культуры, господствующие уже многие десятилетия. Но человеческое существо не исчерпывается духовной жизнью, и за порогом храма жизнь продолжается. На понимании этого активно играют

² См.: http://www.finnougoria.ru/community/folk/section.php?SECTION_ID=356&ELEMENT_ID=2454.

как протестанты и неохаризматы, так и неоязычники. У русского народа, сформировавшегося под водительством Церкви, есть свой глубочайший культурный ресурс, который мог бы защитить соотечественников от всяческих спекуляций на этой почве.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЭ 1990 – Библейская энциклопедия. Москва, 1990.
- Громько, Буганов 2007 – *Громько М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. Санкт-Петербург, 2007.
- Кулигин 2004 – *Кулигин Д.* Христианский или языческий праздник – масленица? // *Церковный вестник.* 2004. № 1–2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.k-istine.ru/base_faith/fast/fast_great_kuligin.htm (дата обращения: 25.05.2015).
- Куприн 2007 – *Куприн А. И.* Юнкера. Москва, 2007.
- Прохоров 1987 – *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Ленинград, 1987.
- Рыбаков 1987 – *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. Москва, 1987.
- Уваров 2001 – *Уваров А. С.* Христианская символика. Символика древнехристианского периода. Москва, 2001.
- Федотов 1991 – *Федотов Г. П.* Стихи духовные. Русская народная вера подуховным стихам. Москва, 1991.
- Часовникова 2013 – *Часовникова А. В.* Христианские образы растительного мира в народной культуре: Петров крест, Адамова голова, Святая верба. Москва, 2013.

Материал поступил в редакцию 31.05.2015